

© 1990 г.

РОНА-ТАШ А.

АЛТАЙСКИЙ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ

(ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ Т. В. ГАМКРЕЛИДЗЕ И ВЯЧ. ВС. ИВАНОВА)

Хорошо фундированные исследования обеспечивают продвижение вперед в науке. Это особенно верно в случае с превосходной работой Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова [1]. Авторы по-новому интерпретировали результаты предшествующих исследований индоевропейского (ИЕ) и дали достаточно законченный и во многих отношениях оригинальный очерк реконструкции ИЕ праязыка, его фонологии, морфологии и синтаксических особенностей. Они рассмотрели исконный лексический фонд в связи с гипотезой о первоначальной родине индоевропейцев и нарисовали примерную картину самых ранних миграций народов, говоривших на древних ИЕ диалектах. В своем исследовании они используют современные методы лингвистического анализа, исходя из постулата о том, что ИЕ праязык был живым языком и его следует изучать теми же методами, что и любой другой язык. Что касается фонологии, то переинтерпретированная ими система ИЕ смычных предполагает, что триадная система состояла из серий: незвонкие g локализованные, звонкие придыхательные и глухие придыхательные ($K' : G^h : K^h$), — в которых для фонологического противопоставления серий II и III было релевантно участие голоса, но для истории этих звуков была важна также их аспирированность. Из предшествующих реконструкций сохранена трехтипность гуттуральных: «нормальные», палатальные и лабиализованные, но остался открытым вопрос о лабиализованных дентальных и поствелярных. Авторы постулируют три сибиланта — непалатализованный, палатализованный и лабиализованный, — причём последний тоже палатализованный.

Схема первоначального ареального распределения ИЕ диалектов такова [1, с. 398]:

Герчано-балто-славянскIш
Анатолийский

Арийско-греческо-армянский
Тохарский Итало-кельто-иллирийский

Важны изоглоссы, которые могут быть установлены для всего ареала и которые позволяют последовательно членить данный ареал. Прародина народов, говорящих на ИЕ языках, локализована к северу от классической Месопотамии, где были возможны очень ранние контакты с прасемитским, пракартвельским и с такими языками Ближнего Востока, как хатти, эламский, хурритский и др. Членение ИЕ праязыка началось в конце V тыс. — начале IV тыс. до н.э.

Германо-балто-славянский, итало-кельто-иллирийский и тохарский обладают рядом общих изоглосс, и первые два в противовес тохарскому названы «древнеевропейским». Именно в этой точке, по мнению авторов, берут свое начало контакты с фишо-угорским и алтайским языками: они предполагают, что «древнеевропейцы» и тохары мигрировали вместе

в Центральную Азию, затем «древнеевропейцы» где-то возле Арала повернули назад, на запад, тогда как тохары продвинулись дальше на восток. «Древнеевропейцы» прибыли в Северное Причерноморье и низовья Волги, и этот регион авторы считают последней общей территорией «древнеевропейцев» перед их разобщением. Здесь они встретились с какой-то ветвью арийцев, которая еще раньше из области южного Кавказа двинулась прямо на север. Я не хотел бы здесь вступать в дискуссию по пересмотру контактов финно-угорского с индоевропейским, но нахожу полезным обратиться к его контактам, по возможности — в отдельности, с «древнеевропейским», тохарским и индоиранским, а также с более поздним иранским.

Авторы опираются главным образом на А. Йоки [2], но и в этом случае они пересматривают отдельные положения, а некоторые — критикуют. Отмечу лишь следующее: то, что они называют «общепринятой хронологией финно-угорских исторических штудий», основывается по существу на ИЕ заимствованиях и ИЕ хронологии, и поэтому само по себе не может быть опорой при пересмотре ИЕ хронологии. Мои заметки посвящены наиболее ранним контактам с алтайскими языками.

Наиболее ранние контакты с ИЕ языками давно интересуют ученых, работающих в области алтайских языков. Опустим совсем тот период исследований, когда алтайские и уральские языки считались генетически едиными, и не будем временно учитывать иранские контакты с отдельными алтайскими языками. Это тем более допустимо, что и авторы придерживались такого подхода. Что же касается предполагаемых связей алтайского с ИЕ, а точнее с тохарским и «древнеевропейским», то здесь авторы опираются главным образом на Г. Рамштедта [3] и не используют работу Ю. Немета [4], в которой он, кроме всего прочего, дал и краткий обзор предшествующих исследований¹. В принципе авторы отличают заимствования от миграционных культурных слов, но проведено это не всегда последовательно. Подобная непоследовательность в некоторых случаях неизбежна, и можно лишь предполагать, насколько это не повлияло на основные выводы.

Далее я буду обсуждать алтайские сопоставления, предложенные Гамкрелидзе и Ивановым.

1. Тунгусо-маньчжурские слова

Привлечено всего четыре тунгусо-маньчжурских слова. Одно из них должно быть исключено. Маньчж. *xalmari* (цитировано как *xal-mari*) сопоставлено с уральским *kugd* «нож» и литов. *kirvis*, гот. *hairus*, др.-исл. *hjgr* и считается миграционным словом [1, с. 932—933]. Идея этого сопоставления, как и в большинстве других случаев, восходит к Рамштедту и процитирована Йоки. Маньчжурское слово, описанное у Хауэра [13] как «обрядовый нож, используемый шаманами при камлании», широтой своей семантики, несомненно, удобно для сопоставлений. Маньчжурские слова на *-ri* — группа форм словообразования, ср. *xalxuri* «перец» от *xalxun* «горячий» (ср. монг. *qalayun* «горячий»), *xoosari* «бумажный» от *xoosan* «бумага» «кит.» и др. Таким образом, исходное слово будет *xcü-*

¹ Немец опубликовал впервые свою работу на венгерском языке в двух частях [5, 6], а затем с исправлениями и дополнениями — по-немецки [4]. К сожалению, немецкий вариант работы почти недоступен, поскольку большая часть тиража попала во время второй мировой войны. В кратком, но емком обзоре предшествующих исследований Немец всячески подчеркивает вклад Б. Мункачи [7—11] и приводит критические суждения З. Гомбоца [12].

man или *xalmin*. И права В. И. Цинциус [14, с. 365], давая вполне корректную этимологию: «нож плоский (у шамана)» из тунг.-маньчж. **kalbin* «плоский», маньчж. *xalfiyan* тж. Данное тунгусо-маньчжурское слово имеет монгольские параллели, также приведенные Цинциус, среди которых в бурятском мы находим аналогичное *-lb—-lm-*: *хальмы*— «быть плоским и тонким».

Остальные три слова — заимствования из монгольских языков: монг. *ge'in* «кобыла», *mog in* «конь» и *hiiker* «бык». В определенных отношениях все три тунгусо-маньчжурские формы представляют интерес. В случае *ge4in* ясно, что слово было заимствовано относительно недавно и по отдельности в разные тунгусо-маньчжурские языки и диалекты (сокращения названий языков и диалектов см. [14]): эвенк, *гэу*, эвенк, диал. *гоу* (Брг), *гон* (Тит.), *гэйэн* (Вл.), *гёк* (К.) «кобыла», *гоуо* (С-Б) «самка дикого оленя», сол. *гэу* «кобыла», маньчж. *гэо* «кобыла; корова; самка», *гэо мурин* «кобыла», разг. маньчж. *geu*, *geo* [15, с. 179], чжурчж. *ge* «лошадь». Чжурчжэнское слово транскрибировано китайским словом (1) [16, № 3397 /c'o/], которое имеет то же самое значение и, кажется, является в китайском заимствованием; фонетическая часть иероглифического сочетания имела в древнекитайском начальный слог *klw-* (полужирные цифры в скобках означают номера иероглифов, представленных в указателе). Монгольское слово зафиксировано в «Сокровенном сказании» в форме *ge'ii*, *ge'in* с регулярной формой мн. ч. *ge'iid*. Показатель мн. ч. *-d* замещает конечное *-n* ед. числа (ср.: *Qitan* — мн. ч. *Qitad*, конечное *-n* восходит к **-n*, которое в тюркском перешло в *-u*, отсюда название *Ku-ma*). В большинстве современных монгольских языков и диалектов *gii(n)*, но в дагурском *geii*. Инлаутные *-g-* в таких письменно-монгольских формах, как *gegii(n)*, *gegiiti*, и *-w* в форме *gewiin* из «Мукаддмат ал-адаб» (с двумя буквами «ва») — вторичного происхождения, как, впрочем, и конечные гуттуральные в эвенкийских и солонской формах. Это слово отсутствует в тюркских языках, и для монгольского оно может быть реконструировано только как **ge'in*, в котором конечный согласный — неустойчивое категориальное *-n-*, вероятно, вторичного происхождения; значения: «кобыла, корова». Монгольское слово нельзя отделить от тохарского, ср. тох. А *ko*, *ki* (вин. п. ед. ч.), тох. Б *keu* «корова» [17, с. 226—227]. Гамкрелидзе и Иванов не видят каких-либо проблем с тохарским словом, однако Виндекенс отметил, что из соответствующей формы в тохарском Б следовало бы ожидать **kau*. Тохарское слово необходимо связать с тох. А *kayurs*, тох. Б *kaurse* «бык» из ИЕ **k^{ou}-nrs-[/]*. с. 566], а палатальный элемент в тох. А *bi* и тох. Б *keu* — внутренняя тохарская проблема. Во всяком случае этот элемент *-/-*, кажется, отсутствует в каких-либо других ИЕ языках и является специфически тохарским (см. также склонение этого слова [17]). Монгольский отражает тохарскую, а не «древнеевропейскую» форму. Данное ИЕ слово связано с некоторыми китайскими словами. Современное пекинское (2) *y* и *u* в древнекитайском было *ngiug*, ср.-кит. *ngidu* [18, № 998], начальный носовый и конечный *-g* не могут быть ИЕ происхождения. Кит. (3) «бык, самец» [16, № 3457] не встречается в ранних памятниках, но его фонетическая часть звучала в древнекитайском как *ko*, в среднекитайском — *kuo* [18, № 49], однако очевидно, это не тохарское и не монгольское слово². Китайское же слово, которое следует рассматривать вместе с тохарско-монгольским, — это

² Возможно, здесь могло бы быть приведено кит. (4) *kü*, др.-кит. *kui*, ср.-кит. *kui* «жеребенок» [18, № 108 г], но, кажется, оно связано с ИЕ **edio* «лошадь».

упоминавшееся выше кит. *ke*, в значении «самка лошади, мула», используемое в качестве определения к словам «лошадь», «мул», например, *ке та* «кобыла» [16, № 3397]. Гамкрелидзе и Иванов сомневаются относительно происхождения монг. *ge'u* (-[^]-тунг.-маньчж.), и вопрос о том, является ли оно тохарским или заимствовано из других ИЕ языков, оставляют открытым [1, с. 935, примеч. 1]. Исходя из того, что было изложено выше, возможно лишь заимствование из тохарского → в монгольский и из тохарского → в китайский.

Следующее слово — *morin* «лошадь». Оно представлено во всех тунгусо-маньчжурских языках. Первым гласным, однако, является *-и-* (й): эвенк. *murin*, орок. *muri(n)*, уд. *mui*, *muji*, ульч. *murin*, орок. *mtirin*; и хотя сол. *mori*, негид. *mojin*, нан. *mon* и маньчж. *morin* с *-о-*, но чжурчж. *murin*; которое, возможно, должно читаться даже как *mtirin*, что согласуется с некоторыми тунгусо-маньчжурскими данными. Тем не менее формы с передним вокализмом, такие, как калм. *morn*, (→ русск. *мерун*), конечно, вторичны, ср. калм. *morda* «ехать верхом на лошади». Это слово сопоставляли с некоторыми восточноазиатскими словами, но без каких-либо серьезных оснований. Кит. *ma* не имело в древнекитайском *-э-*, а гласный *a* был, возможно, лабиализованным. В бирм. *mrang* «лошадь», где *m* — префикс, ср. канаури *rang* \ манчати *hrang*, бунан. *srangs*, чепанг *serang*, качин. *kumrang*. В тибетском — *ria* «лошадь»³ не имеет ничего общего ни с бирманским, ни с китайским. Рамстедт, сравнивая монг. *morin* с герм.-кельт. **markho-*, реконструировал **mog*; добавив же уменьшительный суф. *-da*, он получил **morqa* [3, с. 25]. Предположение К. А. Новиковой [19, с. 68—78] о том, что исконной тунгусо-маньчжурской формой могло быть *murkin*, сохранившееся в токкиском диалекте эвенкийского языка, неверно, так как тунг.-маньчж. **-гк-* отразилось в тунгусо-маньчжурских языках следующим образом: эвенк. *-гк-*, эвен. *-гк-*, негид. *-jk-*, *-Vk-*, *-sk-*, сол. *-кк-*, *-гк-*, орок. *-кк-*, уд. *-к-*, *-jg-*, орок. *-г-*, ульч. *-с-*, *-г-*, нан. *-jk-*, *-к-*, *-г-*, маньчж. *-с-*, *-dz-* [20, с. 230], так что тунг.-маньчж. **murkin* перешло бы в маньчжурском в ***mucin*, как **irke* «новый» стало *ice*. Эта закономерность обнаруживается в самых ранних монгольских заимствованиях [21]. Это значит, что не было формы **morqa*, по крайней мере, в тунгусо-маньчжурских языках; да и непонятно, почему эта форма должна была исчезнуть из монгольского, не говоря уже о проблемах вокализма: монг. *о* — я, германо-кельт. *a* — *о*. Мне бы не хотелось утверждать, что сопоставление монгольского с германо-кельтским невозможно, но я бы не решился строить теорию миграций на таком шатком основании.

Последнее тунгусо-маньчжурское слово — ср.-монг. *hiiker*, которое встречается в немногих тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *hukur* (Брг, 3, Алд, Хнг, Учр), *ику* (3, Втм), эвен. *huken* (Юк), *lieken* (Ск., L), сол. *eggel* (Ив.), *tixtir* (Р), *eküz* (Li), *ukuru*, *uyur* (Ив.), *eregil* (O), *ukuri* (L). Эти тунгусо-маньчжурские слова являются заимствованиями из монгольских языков, некоторые восходят к ср.-монг. *hiiker*, *hiktir*, другие — к более новым формам без */г-*. Монг. *hiiker* нельзя рассматривать отдельно от тюрк. *oktiz*, чуваш. *vakar* < [^] **bkuq* (→ венг. *bkoq*). Существует два ИЕ сопоставления этого, столь часто привлекавшегося в качестве «алтайского», слова. Одно из них предложено Рамстедтом [3, с. 25]: из ИЕ **p^heU^h-m* — приводится Гамкрелидзе и Ивановым [1, с. 579, примеч. 1], где они, оче-

³ Древнетибетское **mrang* [1, с. 554] не существует, оно изобретено ad hoc на основе бирманского.

видно, принимая во внимание ряд трудностей, полагают, что это слово было заимствовано еще в период «алтайского диалектного единства». Идея Рамстедта состояла в том, что ср.-монг. *h-* во всех случаях восходит к алтайск. *p-*, поэтому он реконструирует **roküz*, которое сопоставляет с др.-инд. *radi*, лат. *pecus*, *pecoris*. Конечно, Рамстедт знал, что *-z-* латинского флективного корня — позднего вторичного развития, а именно широко известный ротализм, существование которого в чувашском и монгольском языках он отрицал. Однако это его сопоставление стало популярным именно потому, что некоторые авторы видели здесь классический случай, говорящий в пользу первичности *-г-* по отношению к тюрк. *-z-*. Сам же Рамстедт считал, что *-z-* — алтайский суффикс. Сопоставление «алтайского» **roküz* (если мы базируемся на тюркском) или **rükez* (если мы идем от монгольского) с ИЕ **pV\Wm-* сталкивается с определенными трудностями. Здесь есть сомнения относительно и суффикса, и вокализма, и даже начального *p-*, поскольку не каждое *h-* восходит к *p-*. В тюркских языках есть узб. *hiikiz*, н.-уйг. *hokiiz*, но *h-* в них вторично, и это, очевидно, так же, как в монгorsk. *fuguor* /-/- развилось из /-/- в позиции перед лабиализованным гласным, а не представляет собой последовательное изменение *p > f > h*. Хронологические проблемы также были осознаны Гамкрелидзе и Ивановым: именно в связи с ними авторы говорят о том, что данное заимствование должно было произойти во «времена алтайского диалектного единства» [1, с. 579, примеч. 1].

Существует и другое ИЕ сопоставление этого слова, давно уже предлажавшееся Н. И. Золотницким, Б. Мункачи и др. и обоснованное Ю. Неметом в его упоминавшейся выше-работе. Рассматриваемое тюрко-монгольское слово считали заимствованием тох. *B okso* (восходящего, согласно авторам, к другому ИЕ корню: **uk^hs-en* [1, с. 566]). В пользу данной версии говорит то, что в тюркских языках существуют также формы с задним вокализмом, например, якут, о'ус, сарыгуйг. *okus* (<C₁**oquz*). Дублетность форм *okiiz* — *oquz* и указывает на заимствованный характер слова: *-к-* заимствующего языка приводило к переднему вокализму, тогда как на самом деле исходный вокализм был задним. В тюркском не было сочетания *-ks-*, да и замена *s* на *-г* нормальна. Единственной проблемой является *h-*, которое, похоже, не ИЕ происхождения, поэтому приходится допускать, что в тюркских языках (например, в узбекском и новотуркском) оно вторично.

Как видим, оба сопоставления сталкиваются с определенными трудностями, но второе более приемлемо в хронологическом отношении. В любом случае ни одно тунгусо-маньчжурское слово не может быть сопоставлено с ИЕ непосредственно, все они заимствованы через монгольское посредство. Такой вывод имеет серьезные последствия. Он означает, что алтайский праязык, если он когда-либо существовал⁴, не имел с ИЕ исторических контактов, сколько-нибудь значительных в лингвистическом плане, поскольку невозможно предположить, что все ИЕ заимствования, которые могли бы попасть в алтайский праязык, исчезли в тунгусо-маньчжурских языках, и именно только в них.

II. Монгольский и индоевропейский

Выше рассмотрены три монгольских слова — *morln*, *ge'-ii* (*n*) и *hiiker*. К числу тюрко-монгольских слов принадлежит и *buyday*, которое со-

⁴ Я никогда не отрицал возможность существования алтайского праязыка, я только утверждаю, что сопоставления, приводившиеся до сих пор Рамстедтом, Поппе и их последователями в защиту такого праязыка, — чистые заимствования [22, 231].

поставляется Гамкрелидзе и Ивановым с ИЕ **phur-* «пшеница». Это делается, естественно, с опорой на чуваш, *pari*, однако оказывается неприемлемым. Чувашская форма закономерно восходит к др.-тюрк, *buyday*, у исчезло, *-d-* закономерно через *z* (ср. венг. *biiza*) перешло в г, др.-тюрк, *u* стало редуцированным лабиализованным о в диалекте вирьял чувашского языка, где мы находим *port*, или редуцированным нелабиализованным а в диалекте анатри: *pari*⁵. Поздний характер чувашской формы говорит не в пользу указанного сопоставления, его необходимо отвергнуть.

Следующие монгольские слова вне всякого сомнения — заимствования из тюркского, как, например, *bars* (см. конечное *-rs*) и *teke* «некастрированный или дикий козел»⁶. Первое, вероятно, — иранское заимствование в тюркском⁷; второе сопоставляется Гамкрелидзе и Ивановым с ИЕ этимолоном немецкого *Ziege*: **14gJ-* [1, с. 586, примеч. 1]. Это слово, очевидно, заимствовано из языка, в котором *-gh-* переходило в *-k-*. Таким является тохарский язык, но данное слово отсутствует в его словарном запасе, известном до настоящего времени. Менее ясен случай с монг. *esige* — *isige* «козленок»⁸. В тюркском существуют два названия «козла»: *ecki* и *keci* (второе имеет также форму *kecke*, ср. чуваш, *касакка* —> венг. *kecske*), первое — «восточная» форма, второе — «западная» (самый последний по времени анализ слова без монгольской формы см. в [24, с. 283 — 284]). Неясно, соотносятся ли оба тюркских слова друг с другом как звукоподражательные или же скорее они могут быть образованы от слов-подзвучиваний животных. Сопоставление монг. *esige* «детеныш, козленок» с тюрк, *ecki* «козел» проблематично, потому что монг. *-s-* или, вернее, *-S-*⁹ не является закономерным соответствием тюркскому *-c-*¹⁰. Я думаю даже, вопрос с аффрикатой в тюркских словах значительно сложнее. ИЕ форма — **q^hok^h* [1, с. 589], и приходится предполагать, что свистящий (ср. слав, *koza*) развился через аффрикату, — это предположение подтверждало бы существование аффрикатной стадии. Вокализм тоже проблематичен. В примечании у Гамкрелидзе и Иванова [1, с. 589, примеч. 2] говорится, что тюрк, *qocqar* «баран» может восходить к той же ИЕ основе. Исходное тюркское слово — *qoc*, а в монгольском — *qica*, все остальные формы образовались от них. К ИЕ *qhok^h* это подходило бы в большей степени фонетически, но вот семантическая сторона (ИЕ «козел», тюрк, «баран») остается не до конца ясной, хотя оба являются «животными с большими рогами».

Монг. *elngen* «осел» и тюрк, *esgek* (все остальные формы вторичны) тоже были сопоставлены Гамкрелидзе и Ивановым с ***sefel mo* — более ранней формой ИЕ **ek^hl^h-c-* «лошадь» [1, с. 564]. Это действительно очень ранний миграционный термин (см. егип. *sk*, копт, *seg*), но в ИЕ данных нельзя найти прототип тюркской формы [1, с. 544]. Монг. *elngen* — это древнее заимствование из языка чувашского типа, в котором изменение *s* в *l* было еще в своей первой фазе. Наконец, последнее монгольское

⁵ Единственная проблема с чувашским словом — в его семантическом сдвиге от «пшеница» к «лошадь», который произошел под влиянием русск. *пырей*.

⁶ Приведенная монгольская форма *tex* вторична; а в тюркском *tekii* является условной транскрипцией.

⁷ Форма *pars* [1, с. 500] — не письм.-монг. форма, а грузинская транскрипция монгольского слова.

⁸ Цитируемая монгольская *isig* [1, с. 589] — современная вторичная форма.

⁹ Др.-монг. *si-* перешло в *si-*, так как исконного *s* в древнемонгольском не было.

¹⁰ В казахском и некоторых диалектах ногайского и каракалпакского языков *s* на месте др.-тюрк, *c* — вторичного развития [25, 26].

слово *qotan*. Гамкрелидзе и Иванов считают его древним миграционным термином, имеющим отношение к финно-угорскому *kota* «дом» и обнаруживаемым в ряде ИЕ языков и далее во многих других языках Евразии [1, с. 932]. В этом случае тюркская форма — монгольского происхождения, она не означает «дом»¹¹ и не имеет ничего общего с упомянутым финно-угорским словом (несмотря на мнение Рясенена и Йоки; об уральском слове см. теперь [28, с. 190]). Монг. *qotan* — действительно миграционный термин и должно быть сопоставлено с уральским **woca* «забор».

Я рассмотрел все монгольские слова, приведенные Гамкрелидзе и Ивановым как имеющие возможно ИЕ происхождение. За исключением монг. *geii(n)*, в котором я усматриваю вероятное тохарское происхождение¹², все остальные слова либо не имеют отношения к ИЕ, либо тюркского происхождения, и поэтому их непосредственная связь с ИЕ должна быть отвергнута. Эти неопровержимые факты важны для локализации прародины соответственно ИЕ, тунгусо-маньчжурских и монгольских народов. Но прежде чем пойти дальше, нам необходимо проанализировать ИЕ сопоставления тюркских слов.

III. Тюркский и индоевропейский

Выше мы рассмотрели уже девять сопоставлений, имеющих отношение к тюркским языкам. Одно из них приходится снять из-за трудностей на собственно тюркской почве (*buyday*), другое — монгольское заимствование, не связанное с ИЕ (*qotan*), третье — иранское слово, а потому относящееся к более позднему периоду, не рассматриваемому здесь (*bars*), остальные шесть сопоставлений (*okiiz*, *teke*, *ecki*, *keci*, *qoc* и *esgek*) имеют каждое свои особые и еще не преодоленные трудности. Если все подобного рода проблемы и могут быть решены, одна вещь останется неизменной: эти слова не относятся к одному хронологическому пласту и их истоки должны быть различны. Важными являются следующие ботанические термины: ИЕ **ablu/amlu* «яблоко» — тюрк. *alma* (—монг. *alima* сол. *alim*), ср. [30, с. 28]; ИЕ **(H)osp^h* «осина» — тюрк. **absa* (*q*), ср. чуваш. *avas*, хакас. *os*, алт. (Леб.) *apsaq*, татар. *usak* (<C_ *ausaq* <^ *avsaq*)¹³; греч. *alfiton*, албан. *elfp*, иран. **arba* — тюрк. *azpa* «ячмень» (→ монг. *arbai*, маньчж. *arfa*) [31, с. 24]; др.-греч. *cannabis*, англ. *hemp* и т. д., осет. *gaenlgaewe* (ср. [32, с. 512—513]) — тюрк. *kendir* (→ монг. **kentir^h* > *kencir*, *kendir*, * *kendir* ~^h > *kenfir*, см. [31, III, с. 608—609]; в некоторых тюркских языках, например, туркменском, казахском и др., *kenep* «конопля» — иранское заимствование).

¹¹ Узбекское слово *kota* в значении «дом», цитировавшееся обычно из Г. Ярринга [27], заимствовано из персидского, куда вошло из хинди. Предложение *qajtir kelip kotasiza keldi* в переводе Г. Ярринга гласит: «Он вернулся в свой дом (где он жил)», а в подстрочном примечании добавлено: *kota* «дом, комната»; в глоссарии же это слово помечается как заимствование из хиндустан.

¹² Разумеется, *geu* могло быть заимствовано и через тюркские языки, однако для этого у нас нет доказательств.

¹³ Чувашская и хакасская формы не обязательно непосредственно соотносятся с татарской (и башкирской) и алтайской (ойротской) формами. Конечное *-q* в чувашском исчезает через озвончение и спонантизацию, поэтому *absaq* могло измениться следующим образом: *absaq* >> *absay* > *absa* >> *avas*, — однако такой же результат был бы и при исходном **absa*, в хакасском в большинстве случаев конечное *-q* сохраняется, поэтому *os* скорее восходит к *abas*, если только оно не заимствовано из какого-нибудь диалекта древнечувашского языка. Этого нельзя исключить, потому что известно несколько южносибирско-чувашских изоглоссов, среди них название дерева, аналогичное чуваш. *xira* «сосна» [29, с. 745—746].

Что касается тюрк, *alma*, оно относится к огромному семейству ранних культурных слов, однако трудно сказать, когда и где тюрки заимствовали это слово. Тот факт, что оно было заимствовано монголами и венграми, заставляет думать, что это произошло в начале I тыс. н.э. Это могло быть и раньше, но у нас нет данных, чтобы судить об этом. Тюрк. *absa* (q), видимо, свойственно узкому региону, а именно западной части Южной Сибири и Поволжью¹⁴.

Если мы исходим из того, что данное слово не было заимствовано дважды (т. е. *absaq* < чуваш, *avas*, но не **absa* < чуваш, *avas*) и это развитие заняло значительный период времени, то тогда надо считать, что рассматриваемое слово относится к общепратюркскому периоду. Если же обе эти формы не соотносить друг с другом, а считать, что *absaq* — собственное развитие, а **absa* — какое-то заимствование того же слова, тогда они не обязательно очень древние слова, но и в этом случае нельзя исключать их раннего заимствования.

Тюрк, *агра* могло быть заимствовано из Иран. **агра*, однако это слово как будто отсутствует в иранских языках. Эта идея восходит к Йоклу, который утверждал, что афганские данные, приведенные Рамstedтом [34], не принадлежат ИЕ семье языков, хотя иранская форма **агра* или **арба* все же может быть реконструирована. К сожалению, это может быть сделано только на основании тюркских данных.

В случае названия «конопли» можно выделить три формы: *kan(a)* — ср. осет. *gsn/geenas*, сван, *kan*, абхаз. *a-k'nd*, кабард. *gand* и марийск. *kэne* (вероятно, из аланского); *kanar* в греческом (считается скифским), латинском, балто-славянском, германском и далее в иранских языках — сакском (он имеет *kamka* < *kanabha* и *kumba* < *kanamha*), согдийском (*kanbd*) и персидском (*kanab*) [32, 35]; сюда же [1, с. 662] тюрк, *kendir*, где вторая часть — *dir* — не совсем ясна¹⁵, возможно, даже не тюркского происхождения, но зафиксированная пока лишь в алтайских языках.

Из других тюркских слов, которые разбирают Гамкрелидзе и Иванов, можно упомянуть *kelin* «невеста, невестка, жена сына или младшего брата» ([1, с. 942] — опечатка: *kalin*), которое некоторыми авторами, например в [37, с. 719], связывается с тюркским глаголом *kel-* «приходить», т. е. «та, кто приходит в дом мужа». Скорее всего, это народная этимология, но данная ассоциация — очень древняя, ср. тунг.-маньчж. *kelin* «свояк, свояки (мужья сестер)» [14, с. 446], ИЕ **kol(on)-* (лат. *glos*, русск. *золовка*).

Ниже приводятся некоторые сопоставления Немета, отсутствующие в книге Гамкрелидзе и Иванова. Др.-тюрк, *mure* — *bure* «перец» было сопоставлено с скр. *marica*¹⁶. Тюрк, *sira* «пиво» было сопоставлено с скр.

¹⁴ Интересно, что это слово встречается у Лейденского анонима (1343 г., издано Хоутсма [33]) в форме *awsaq*, которая является прототипом для казанскотатарской и башкирской форм.

¹⁵ В древнетюркском мало слов на *-dltr*: *ogdir* «вознаграждение», *beltr* «место соединения двух или более дорог или слияния рек», *bald'ir* «относящийся к прошлому периоду (посев в начале весны; ягненок, рожденный в начале окота)», *b'ldir* «прошлый год», *qand'ir* «сыромятная кожа», (*ald'ir* звукоподражание постукиванию стрел в колчане, — однако ни одно из них не имеет ясной этимологии). В большинстве случаев здесь дентальный следует после сонорного; об этом сочетании много дискутировали, см. [36].

¹⁶ Большинство этих сопоставлений было предложено раньше и другими учеными. Ключевую роль здесь сыграл Б. Мункачи, написавший обширную работу об (индо-)арийских и кавказских элементах в финно-угорских языках [38] и параллельно с этим издавший серию статей относительно индоевропейских элементов в тюркских языках [7—9, 11]. Эти работы Мункачи были подвергнуты серьезной критике рядом венгерских ученых, в том числе Гомбоцем [12].

sura (это слово по-иному рассматривается авторами [1, с. 653] без привлечения тюркских и финно-угорских параллелей); тюрк, *tana* «телка» — с скр. *dhena* (рассмотрено авторами [1, с. 567, 570, 933] без сопоставления с тюркским); тюрк. <ато> «стена, строение» — скр. *dama* (по Гамкрелидзе и Иванову, **Vom* [1, с. 741] — без сопоставления с тюркским). В подстрочных примечаниях [4, с. 92, примеч. 1] Немет добавил в качестве возможного сопоставления тюрк, *agra* «ячмень», обсуждавшееся выше. По поводу данных слов я приведу мнение Немета: «Когда и где произошли эти заимствования из древнеиндийского в тюркский? Вероятно, очень рано, во всяком случае, до нашей эры. Следует предположить, что заимствования указанных слов в тюркский осуществлялись не сразу, не в одном месте и, возможно даже, не непосредственно. Слово *tana*, в высшей степени вероятно, более древнее; *Bugz*, видимо, позднее проникшее из Индии бродячее слово. Не исключено также — по меньшей мере в ряде случаев, — соответствующие слова в тюркском были заимствованы собственно не из известного древнеиндийского языка, а из какого-то другого доисторического индоиранского диалекта. Нужно отделять эти индоиранские заимствования, которые вошли в тюркский, на мой взгляд, в более ранний период, от более поздних, таких, как, например, слово *sad*» [4, с. 92–93]. Как видим, Немет отделял ранние индоиранские заимствования, среди которых много миграционных культурных слов, от более поздних иранских слов. От этих двух групп он отделял две другие — заимствования из тохарского (согласно Немету — их тохарского Б). Такие параллели, как тюрк, *kup* «солнце» — тох. *kot* «день, солнце», тюрк, *sek-* «тянуть» — тох. *tsak-* «вытягивать», тюрк, *уар-* «делать» — тох. *уа-*, *ура-* тж., — он объяснял случайными совпадениями, но два таких слова, как тюрк. *Штен* «десять тысяч» — тох. *tumane*, *tmane* тж. и тюрк, *окүй* — тох. *okso*, цитировано выше, — он полагал очень важными для реконструкции предистории тюркского. Согласно Немету, тохарско-тюркские контакты происходили в период миграции тохаров с запада на восток. Такие слова, как древнетюркский титул *cor*, относятся к гораздо более позднему слою (если только это слово тохарского происхождения — добавление, сделанное Ф. В. К. Мюллером). Все это Немет считал дополнительными аргументами для подтверждения своей гипотезы, согласно которой первоначальной родиной тюрков была Западная Азия (а не Восточная Азия, как полагал Рамстедт).

В статье, опубликованной в 1971 г., П. Аалто рассмотрел ранние иранские контакты тюрков [39]. Некоторые из приведенных там слов, вероятно, старше: например, чуваш, *turax*, монг. *taraу* «кислое молоко» (<← тюрк, *taraq*), тюрк, *toraq* «сыр», чуваш, *turax* (→ венг. *turn* «творог»), которое, возможно, восходит к греч. *tyros*, русск. *творог*. В 1974 г. я предложил несколько новых тюркско-тохарских параллелей [23]. Эти сопоставления были разобраны Вяч. Вс. Ивановым в докладе на сессии ПИАК в Ташкенте в 1986 и опубликованы в 1988 [40]. Хотя от некоторых из этих сопоставлений я с тех пор отказался, ряд других все же заслуживает быть упомянутым здесь, поскольку Гамкрелидзе и Иванов рассматривают соответствующие ИЕ слова. К основе **iaH-* «ходить, двигаться» [1, с. 724] относятся такие слова, как скр. у *ana* «дорога», тох. А *yot* «следы ног» [17, с. 604], которые я сопоставил с очень древним словом степного пояса: др.-тюрк. *yam* «почтовая станция», встречающееся уже в языке табгачей (тоба-вэй), для которого оно было реконструировано Лигети в виде *y'am* (см. [41, с. 294–295], там же монг. *jam*; об их более поздней истории в персидском, маньчжурском см. также русск.

ямщи(к), ямской¹⁷. Иванов прав [40, с. 102—103], когда он замечает, что, кажется, только основа — ИЕ происхождения, а *-n* и *-t* в *yam* — разные суффиксы.

В связи с ИЕ словом для «золота, металла» **Hau-s-IHu-os* авторы [1, с. 713] цитируют Аалто [39] и приводят финно-угорские параллели [1, с. 710, 932], но не упоминают два алтайских слова, имеющих к этому отношению: тюрк. *uez* «медь» (*-^* монг. *ier* «оружие») и др.-кирг. *dam*, кидань. *qasu*, дагур. *qaso* и т. д. «железо» (см. об этом слове подробно у Лигети [42])¹⁸.

Можно привести еще несколько слов, которые рассматриваются у Гамкрелидзе и Иванова, хотя при этом их тюркские параллели не упоминаются ими. Авторы [1, с. 603] привлекают внимание к тому факту, что в ИЕ диалектах было два слова для «меда»; **mel-i-th* и **meaV^u-*. Длительное время с этими словами связывали тюрк. *bal* «мед» (из недавних работ см. [37, с. 330, 771], на последней из указанных страниц также специфическое слово *mir*, несомненно из китайского *mier*, которое само из тохарского). Проблема только в вокализме, указывающем на иранский, в котором есть вариант *medhu* (авест. *madi* «вино, мед» и т. д., см. [35, с. 340]), и нет варианта *mel-*. К той же группе ИЕ слов относится тюрк. *bor* «вино» (→ монг., тюрк. → венг.) с тем же самым переходом *m^> b*, как и в *marica ^> burc* «перец». Авторы [1, с. 543] реконструируют ИЕ слово для «утки» как **anHitW*, и оно должно быть сопоставлено с тюрк. *aj*, *ayit*, *ai-girt* «гусь, утка» и т. д., распространившимся из тюркского в монгольский (*anggir*), из якутского в эвенкийский и негидальский, из монгольского в эвенкийский, нанайский, маньчжурский. Я подробно рассмотрел это слово [25, с. 10—11] и сопоставил его с протоуральским *ща* «полярная утка» (см. еще [28, с. 13]), типичным бродячим культурным словом охотников Евразии. Интересно тюрк. (урал., монг.) *-z-* в противоположность *-n-* в ИЕ, где исконным звуком должен быть *ng* [;].

Не входя в дальнейшие детали и обсуждение нескольких других слов, не рассматривавшихся выше¹⁹, перейдем к заключению, которое пред-

¹⁷ Начальный *y*, отразившийся не только в табгачском, но и в маньчж. *giya-mun {-yiam}*, указывает на субституцию *y-* звуком *j^*- (см. монг. *jam*), а затем */—> y/* в языке, в котором *j^* было невозможно в начальной позиции. Согласно Лигети, маньчжурская форма представляет собой раннее заимствование из сыньбийского. Клосон [37] сопоставил тюркское слово с китайским *chan* (5) (ср. [16, № 128], слово имело в среднекитайском финаль *-to*), среднекитайская форма обнаруживает нерегулярности в инициалах.

¹⁸ Лигети наряду с другими рассмотрел слово «дом» в кетских языках [42, с. 148], связывая его (кет. *xuos*, хус, *kuos*, кот. *hus*, арин. *kuss* и т. д.) вполне корректно с тюрк. *qos* «палатка», монг. *qos* тж., которые не могут быть сопоставлены с германским словом *Haus* и его этимонами, как это у Гамкрелидзе и Иванова, следующих в этом предположению А. П. Дульзона. Мое высказывание [23, с. 503] о том, что данное тюркомонгольское слово, возможно, тохарского происхождения, должно быть отвергнуто.

¹⁹ Например, с ИЕ **khormi-* «червь» [1, с. 527, примеч. 2] в тюркской семье может быть сопоставлено слово для «муравья»: *qomursqa*, *qimirsqa*, *qormusqa*, *qumrusqa* и т. д. [37, с. 628], — ср. [23, с. 503], хотя возможны и другие этимологии (*qoyuz* «насекомое, червь», *qoyuz* «темнокоричневый», чуваш. *xamae*). В своей статье Иванов [40] предложил сопоставить чжурчж. *ancun* «золото» с монг. *altun*, с одной стороны, и с тох. В *encuwo* «железо», с другой. У Цинциус [14, с. 22, 33] тунг.-маньчж. *aisi*, чжурчж. *anci* отделены от *altun*, и это имеет серьезные основания. Лигети [43, с. 225] реконструировал для чжурчжэньского *alcun* и связал его с *altun*. К сожалению, китайская транскрипция амбивалентна. Первый иероглиф, используемый в транскрипции [18, № 145], имеет чтение *an*, которое передает в иностранных словах и *an*, и *al*, так что чжурчжэньское слово могло быть равным образом и *ancun*, и *alcun*. Маньчж. *aisin* «золото» может восходить только к более раннему *alsin* <C *alcin* < *altin*. Тогда предпочтительнее реконструировать чжурчж. *alcin*, *aleun*. Однако в маньчжурском

ставляется вполне ясным. Хотя более сорока лет прошло с момента выхода работы Ю. Немета и изучение данной проблематики продвинулось по многим направлениям, у нас все же нет оснований изменить главный вывод Немета, а именно: не существовало где бы то ни было алтайско-индоевропейских языковых контактов, как и не было очень ранних тюркско-индоевропейских контактов, которые можно было бы отнести ко времени до отделения индоиранской ветви. С другой стороны, мы имеем целую группу ИЕ слов в раннем тюркском, которые являются типичными бродячими культурными словами. То, что ранний тюркский не ограничился этими словами, более чем важно, если мы примем еще во внимание, что далеко не такое же количество слов проникло в монгольский и тунгусо-маньчжурский. При этом тот факт, что большинство из них было заимствовано в монгольский из тюркского и в тунгусо-маньчжурский из монгольского, позволяет нам реконструировать внутриалтайские контакты. Что касается возможных территорий «прародин», то представляется, что ни то место, где обитали говорящие по-индоевропейски, ни вторичная родина «древних индоевропейцев» не были в непосредственной близости от тюркского. Если мы сравним контакты ИЕ с уральским или финно-угорским и ИЕ — с тюркским, то увидим большую разницу. Приведенный в книге «Индоевропейский язык и индоевропейцы...» алтайский материал наглядно показывает, что таково же и мнение Т. В. Гамкрелидзе РИ Вяч. Вс. Иванова.

• 1 2 3 4 ?
Указатель иероглифов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ;

1. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. 1—П. Тбилиси, 1984.
2. Joki A. Uralier und Indogermanen / MSFOu. 1973. 151.
3. Bamstedt G. J. The relation of the Altaic languages to other language groups // JSFOu. 1946—1947. 53.
4. Nemeth J. Probleme der tiirkischen Urzeit // Analecta Orientalia memoriae Alexandri Csoma de Koros dicata. Bp., 1942—1947.
5. Nemeth Gy. A' urali es a torok nyelvek osi kapcsolata // Nyelvtudomanyi Kozlemenyek. 1928. 47.
6. Nemeth Gy. A torokseg oskora // Emlekkonyv Berzeviczy Albert urnak..., Bp., 1934.
7. Munkacsy B. Osi torok-arja nyelverintkezes//Nyelvtudomanyi Kozlemenyek. 1894. 24.

мы имеем *ancun* «женские серьги», *ancurahi* «позолоченная кожа» [13], которые, конечно, как и предполагала Цинциус, заимствованы в маньчжурском из чжурчжэньского. Решение этой загадки достаточно просто. Название чжурчжэньской династии Сыло «золотая», и это послужило причиной изменений, связанных с табуированием слова.

По поводу хорезмийского слова *hncw* «сталь», упоминаемого Ивановым [40], мы должны заметить, что это лишь реконструкция. Его значение, по-видимому, «острие копья, пики» [44, с. 319], *Q.hnjw* «имеющий железный наконечник». Можно согласиться с Ивановым, что эти слова, вероятно, древнего субстратного происхождения, но их связь остается пока неясной.

8. *Munkacsi B.* Arische Sprachdenkmale in Tiirkischen Lehnwortern // Keleti Szemle. 1900. 1.
9. *Munkacsi B.* Beitrage zu den arischen Lehnwortern im Tiirkischen *I/I* KSz. 1905. 6.
10. *Munkacsi B.* Spuren eines altgermanischen Einflusses auf die ostfinnischen Sprachen und auf das Cuwasische // KSz. 1906. 7.
11. *Munkacsi B.* Beitrage zu den alten arischen Lehnwortern im Tiirkischen // KSz. 1905. 6.
12. *Gombocz Z.* Arja elemek a toroksegben // Nyelvtudomanyi Kozlemenyek. 1906. 36.
13. *Hauer E.* Handwörterbuch der Mandchusprache. I—III. Wiesbaden, 1952.
14. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. Цинциус В. И. Т. I—II. Л., 1975—1977.
15. *Kaluzynski S.* Die Sprache des mandschurischen Stammes Sibe aus der Gegend von Kuldscha. Warszawa, 1977.
16. Mathews' Chinese-English dictionary. Cambridge, 1956.
17. *Windeken A. J.* Le Tokharien confronte avec les autres langues indo-europeennes. V. I. La phonetique et le vocabulaire. Louvain, 1976.
18. *Karlgren B.* Grammata serica recens. Stockholm, 1957.
19. *Новиков К. А.* Названия домашних животных в тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979.
20. *Цинциус В. И.* Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков Л., 1949.
21. *Ligeti L.* Les anciens elements mongols dans le mandchou // AOH. 1960. 10.
22. *Rona-Tas A.* К проблеме родства алтайских языков // ВЯ. 1974. № 2.
23. *Rona-Tas A.* Tocharische Elemente in den altaischen Sprachen? // Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Volker: Schriften zur Geschichte und Kultur des alten Orients. 5. Berlin, 1974.
24. *Ligeti L.* A magyar nyelv torok kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Arpad-Korban. Bp., 1986.
25. *Rona-Tas A.* De hypothesi Uralo-Altaica, MSFOu. 1983. 185.
26. *Rona-Tas A.* «Rokonsagszeru osi Kapcsolat». Nemeth Gyula nezetei az urali es torok nyelvek viszonyaril // Uxalisztikai Tanulmányok. Bp., 1983.
27. *Jarring G.* Uzbek texts from Afghan Turkestan with glossary. Lund, 1938. (Lunds Universitets Arskrift N. F. Avd. 1. Bd 34. Nr. 2).
28. Uralisches etymologisches Wörterbuch / Redei K. (red.) Bp., 1986.
29. *Rona-Tas A.* Turkic influence on the Uralic languages *I/I* The Uralic languages. Description, history and foreign influences / Ed. Sinor D. Leiden; New York, 1988.
30. *Joki A.* Der wandernde Apfel // Studia Orientalia. 1963. 28.
31. *Doerfer G.* [TMEN] Tiirkische und mongolische Elemente im Neupersischen. I—IV. Wiesbaden, 1963—1975.
32. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л., 1958.
33. *Houtsma M. Th.* Ein turkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894.
34. *Ramstedt G. J.* Kalmiikisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
35. *Bailey H. W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979.
36. *Johanson L.* Altitiirkisch als «dissimilierende Sprache». Wiesbaden, 1979.
37. *Claussen G.* An etymological dictionary of pre-thirteenth century Turkish. Oxford, 1972.
38. *Munkacsi B.* Arja es kaukazusi elemek a finn-magyar nyelvekben. Bp., 1901.
39. *Aalto P.* Iranian contacts of the Turks in Pre-Islamic Times *I/I* Studia Turcica / Ed. Ligeti L. Bp., 1971.
40. *Иванов Вяч. Ве.* К проблеме тохаро-алтайских лексических связей // ВЯ. 1988. № 4.
41. *Ligeti L.* Le tahgatch, un dialect de la langue sien-pi // Mongolian Studies / Ed. Ligeti L. Bp., 1970.
42. *Ligeti L.* Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinois *I/I* AOH. 1950. 1.
43. *Ligeti L.* Note preliminaire sur le dechiffrement des «petits caracteres» joutchen // AOH. 1953. 3.
44. *Benzing J.* Chwaresmischer Wortindex. Wiesbaden, 1983.

Перевели с английского *Корму шин И. В.* и *Корму шина П. И.*